

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

Институт управления инновациями
Факультет социотехнических систем

А.В. Морозов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ В ТАТАРСТАНЕ В ПЕРИОД НЭПА

Монография

Казань
Издательство КНИТУ
2013

УДК 947.083/84+331.4
ББК 63.3 (2)
М 80

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Казанского национального исследовательского технологического
университета*

Рецензенты:

канд. социол. наук, доц. *М.Э. Бочко*
канд. ист. наук, доц. *С.Ф. Галанин*

Морозов А.В.

М80 Государственное регулирование занятости и безработицы в Татарстане в период НЭПа : монография / А.В. Морозов; М-во образ. и науки России; Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань : Изд-во КНИТУ, 2013. – 332 с.
ISBN 978-5-7882-1423-8

В монографии анализируется социальная политика советской власти в сфере регулирования занятости и безработицы в Татарстане в 1920-е годы.

Впервые в комплексном виде рассмотрены проблемы трудоустройства безработных в Татарстане в гендерном, профессиональном и этническом плане. Особое внимание уделено практике организации коллективов безработных, проведению общественных работ и обучению безработных. Исследованы негативные стороны рынка труда 1920-х гг.: протекционизм и кумовство при найме на работу, взяточничество на биржах труда, феномен фиктивной безработицы.

Предназначена для студентов направления подготовки 040400.62 «Социальная работа» для самостоятельной работы и углубленного изучения дисциплин: «Основы социальной политики», «История социальной работы», «Рынок труда и занятость населения», связанных с историей социальной политики в отношении безработного населения в России и Татарстане.

Монография также может быть полезна студентам и аспирантам гуманитарных специальностей, ученым, специалистам-практикам и всем интересующимся проблемами занятости и безработицы в 1920-е годы.

ISBN 978-5-7882-1423-8

© Морозов А.В., 2013

© Казанский национальный исследовательский
технологический университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА БЕЗРАБОТНЫХ В ТАТАРСТАНЕ В ПЕРИОД НЭПА.....	10
Глава 1. Гендерные аспекты женской занятости и безработицы в Татарстане.....	11
Глава 2. Социальный протест безработных женщин в России.....	38
Глава 3. Безработица и проституция.....	43
Глава 4. Трансформация гендерного контракта	58
Глава 5. Политика ликвидации безработицы среди рабочих-татар	61
Глава 6. Проблемы трудоустройства молодежи.....	79
Глава 7. Трудоустройство медработников.....	87
Глава 8. Трудоустройство сельхозработчих.....	90
Глава 9. Проблема трудоустройства демобилизованных	96
Источники и литература к части 1	118
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ БЕЗРАБОТНЫМ ТАТАРСТАНА В ПЕРИОД НЭПА	130
Глава 10. Организация и деятельность коллективов безработных	131
Глава 11. Общественные работы в Татарстане.....	179
Глава 12. Обучение и переподготовка безработных	204
Источники и литература к части 2	226
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.	
СОЦИАЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ НА РЫНКЕ ТРУДА ТАТАРСТАНА В ПЕРИОД НЭПА	237
Глава 13. Протекционизм и кумовство: неформальные практики трудоустройства безработных.....	238
Глава 14. Феномен лжебезработных	271
Глава 15. Взятка как гарантия трудоустройства.....	284
Глава 16. Проявления антисемитизма среди безработных	294
Глава 17. «Закулисье» казанского коллектива безработных пекарей и повседневная жизнь безработных	297
Источники и литература к части 3	312
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	324

ВВЕДЕНИЕ

Социальная политика советского государства в целом овеяна многочисленными мифами и домыслами. Не является исключением и социальная политика на рынке труда в 1920-е гг. Как неоспоримая истина, в науке бытует тезис о ликвидации безработицы в СССР в 1930 г., о планомерной и эффективной борьбе советской власти с безработицей.

В период нэпа произошло резкое обострение целого ряда проблем на рынке труда. В числе этих проблем необходимо отметить, рассматриваемые нами в первой части работы, дискриминацию женщин при трудоустройстве на работу, дискриминацию коренного нерусского населения, т.н. нацменов, молодежи, а также сложности с трудоустройством отдельных профессиональных групп.

Безусловно, и ранее все эти проблемы в той или иной степени являлись предметом изучения отечественных и западных историков. Однако и до настоящего времени остались многочисленные аспекты, вызывающие вопросы и остающиеся неясными.

Анализ литературы свидетельствует, что наиболее изучены стороны темы, связанные с положением женщин на рынке труда в период нэпа. Вскрыты причины их дискриминации, показаны как общероссийские, так и в какой-то степени, региональные тенденции в деле достижения их равенства с мужчинами на рынке труда. Показана борьба общественных и государственных структур за сокращение женской безработицы и повышение их квалификации. Вместе с тем, региональные особенности этой политики, в частности, в Республике Татарстан, совершенно не исследовались.

Борьба за приоритетное трудоустройство рабочих-татар, борьба с их дискриминацией на рынке труда, по времени совпала с т.н. политикой коренизации и «реализацией татарского языка» (РТЯ). Хотя проблемы коренизации и РТЯ в региональной истории являются достаточно популярными, проблема борьбы с безработицей среди рабочих-татар, практически никогда не изучалась.

То же самое можно сказать и об исследовании положения молодежи на рынке труда: достаточно хорошо решена проблема молодежной безработицы изучено на общероссийском уровне и, гораздо слабее, на региональном.

В данной работе помимо женщин, татар и молодежи, особое внимание уделено и таким профессиональным группам как сельскохозяйственные и

медицинские работники. Выбор этих профессиональных категорий не случаен. Сельхозработники, т.н. батраки, стали одним из основных объектов социальной политики советской власти еще с 1917 г. Однако, распространение на них целого ряда законов, в том числе, и преследующих цели борьбы с безработицей, стало возможным лишь в середине 1920-х гг. Медработники, как представители лиц интеллигентного труда, интересны тем, что на их примере можно рассмотреть как реализацию политики советской власти по их трудоустройству, так и отношение самих медработников к этой политике, увидеть различные противоречия и тенденции.

Вторая часть работы посвящена исследованию проблемы трудовой помощи безработным. Советская практика 1920-х гг. показала всему миру чрезвычайно масштабный и интересный во многих отношениях социальный проект борьбы с безработицей. Организация бирж труда и развитие социального страхования по безработице, безусловно, являлись центральными элементами этой новой и по большому счету еще совершенно неизвестной миру системы. Симбиоз государственных и общественных усилий, направленных на снижение уровня безработицы и на смягчение ее социальных последствий поистине поражает воображение. Была предпринята невиданная ранее в истории человечества попытка покончить с безработицей как социальным злом и обеспечить полную занятость населения.

Признанной заслугой советской власти стало введение социального страхования по безработице, являющегося одним из самых трудоемких, сложных и затратных видов. За исключением нескольких наиболее развитых стран, таких как Германия и Англия, ни одно из западных правительств не пошло на создание государственной системы страхования безработных. В России была выстроена достаточно стройная сеть бирж труда, регистрирующих безработных, направляющих их на постоянные или временные работы, а также в страховые кассы за получением денежных пособий по безработице. Несмотря на незначительные размеры пособий и сравнительно небольшой круг получающих пособия (в конце 1920-х гг. около 40% всех зарегистрированных на биржах труда) этот вид страхования сыграл большую роль в деле предотвращения деклассирования сотен тысяч рабочих и служащих.

Посреднические органы в сфере труда, созданные советской властью смогли за сравнительно короткое время наладить систему регулирования спроса и предложения труда, приискать миллионам советских граждан так

необходимую для них работу. Кроме того, биржи труда совместно с профсоюзными организациями активно способствовали временному трудоустройству безработных в артели и коллективы безработных, носящие самый разнообразный характер. Коллективы безработных вобрали в себя избыточную массу квалифицированной рабочей силы и не дали ей депрофессионализироваться, потерять связь с рабочим классом, и, в конечном счете, пополнить ряды люмпенов.

В такие коллективы объединялись безработные определенных специальностей и профессий, необходимых для конкретного производства. Из государственных фондов социального страхования и профсоюзных фондов им предоставлялась ссуда для приобретения необходимого помещения, оборудования и сырья. Все предприятия объединений безработных, в том числе и торговые в течение первых 6 месяцев с момента их организации подлежали полному освобождению от промыслового налога, а затем приравнивались к кооперативным организациям. При вступлении в артель численность ее участников не ограничивалось, однако преимущество отдавалось членам профсоюзов. Все вступающие в артель вносили свой пай и 10% чистого дохода сдавали в распоряжение биржи труда. Безработные, занятые в коллективах, должны были, согласно существующим постановлениям, сменяться в среднем два раза в год; следовательно, и общее число безработных, которым предоставлялась трудовая помощь, увеличивалось вдвое.

Особого внимания заслуживает опыт организации общественных работ (благоустройство территории, разбор зданий, засыпка болот, строительство дамб, дорожные и мелиоративные работы и др.), в которых по всей стране участвовали сотни тысяч безработных. Общественные работы пик, которых приходился на 1927 г. проводились не только в городской, но и сельской местности. Если на общественных работах в СССР пропускалось в среднем в 1922/23 г. – 30 тыс. безработных, то к 1927 г. их число достигло 160 тыс. чел. Оплачиваемые общественные работы стали одним из основных инструментов, с помощью которых решались не только вопросы трудоустройства, но и важнейшие социальные задачи, связанные с благоустройством нового советского быта. В конце 1920-х гг. общественные работы утратили свое значение в связи с наблюдавшимся повышенным спросом на неквалифицированную рабочую силу для быстро развивающегося строительства и погрузочно-разгрузочных работ.

Большое значение в советской России приобрело обучение и переобучение безработных, совершенно неразвитое на Западе. В постановлении ЦК ВКП(б) «О подготовке и обучении рабочей силы» (17 марта 1926 г.) отмечалось, что «подготовка рабочей силы должна рассматриваться не только как обычная разновидность народного образования, но и как одна из важнейших хозяйственных задач». Основными формами подготовки рабочих кадров из числа городских безработных являлись: обучение безработных непосредственно на предприятиях по договорам бирж труда с предприятиями, учебные базы акционерного общества «Установка» и специальные курсы при биржах труда. В основном обучение безработных проводилось по профессиям металлопромышленности и строительного производства. Если в 1927/28 г. в СССР было обучено 49,1 тыс. безработных, то в 1928/29 г. – 83 тыс. чел., а в 1929/30 г. – 336 тыс. чел. Средства, расходуемые органами труда на обучение и переобучение безработных, из года в год увеличивались.

Значение этих новых мероприятий трудно переоценить и в настоящее время. Сотни тысяч советских безработных прошли через коллективы безработных и общественные работы, были обучены новым специальностям в различного рода учреждениях. В последствии этот положительный опыт был незаслуженно забыт и оказался невостребованным и в настоящее время, в условиях рынка и миллионной безработицы.

Именно поэтому задачей данной части работы является комплексное исследование этих форм и методов трудовой помощи безработным на материалах одного из российских регионов – Татарстана, в котором они получили довольно широкое распространение в 1920-е гг.

Третья часть работы рассматривает ряд социальных аномалий, проявившихся на региональном рынке труда в период нэпа. Как в советской, так и современной отечественной литературе до настоящего времени совершенно отсутствуют специальные исследования, посвященные различным негативным явлениям на рынке труда, таким как протекционизм и кумовство при приеме на работу, взяточничеству на биржах труда, антисемитизму среди безработных, феномену лжебезработных и др.

Все эти явления, дискредитирующие советский строй, являлись запретными для исторической науки, их исследование не приветствовалось партийными органами страны. Лишь в нескольких работах К.И. Суворова и Л.С. Рогачевской содержались отдельные данные о протекционизме,

кумовстве, фиктивных безработных¹. Но дальнейшего развития эти аспекты не получили ни в их работах, ни в работах других исследователей, занимающихся проблемами занятости и безработицы в СССР в период нэпа.

Таким образом, в российской истории образовалась значительная лакуна, связанная с практической неизученностью разнообразных социальных аномалий на рынке труда в 1920-е гг. Несмотря на то, что идеологическая ситуация в стране кардинально изменилась современные российские историки по-прежнему не заинтересовались этой крайне важной для понимания советского строя и советской повседневности 1920-х гг. проблемой.

В связи с этим, автор работы, посчитал нужным, дать хотя бы в общих чертах анализ проблемы кумовства и протекционизма, взяточничества на биржах труда, антисемитизма среди безработных, феномена лжебезработных в период нэпа, на материалах одного из типичных регионов России – Татарстана.

Протекционизм при приеме на работу угнетающе действовал на безработных и способствовал росту социальной напряженности в обществе. Многочисленные фиктивные безработные, получающие пособия из страхкасс и пользующиеся льготами безработных, показывали порочность и продажность советской власти, так и не избавившейся от «родимых пятен» царизма. Еще страшнее была коррупция, изнутри разъедающая институты трудоустройства безработных – биржи труда, профсоюзы и другие государственные и общественные организации.

Конечно, и данная монография, не претендует на полное исследование заявленных аспектов. Проблема настолько широка, что требует к себе внимания не одного исследователя, а целой группы историков, социологов, экономистов, способных в комплексе рассмотреть различные ее стороны. Именно поэтому автор поставил своей целью лишь первоначальное освещение этих проблем, выявление основных источников, в которых они нашли отражение, а также анализ основных тенденций, связанных с проблемами трудоустройства изучаемых групп в первой трети XX века.

При написании работы использовались как опубликованные документы, так и материалы федеральных (ГАРФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ) и региональных (НА РТ, ЦГА ИПД РТ) архивов. Особую ценность имеют материалы центральной и региональной периодической печати, содержащие

¹ См.: **Суворов К.И.** Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917-1930). М., 1968; **Рогачевская Л.С.** Ликвидация безработицы в СССР. 1917-1930 гг. М., 1973.

в себе сотни фактов, освещающие изучаемые нами аспекты проблемы. Прежде всего, следует отметить такие газеты как «Труд», «Известия ТатЦИК» и «Красная Татария». Привлечение этих материалов способствовало более полному восприятию повседневной жизни безработных, их проблем, надежд и чаяний.

Определенное значение при написании этой монографии имели и работы отечественных и западных историков, посвященные различным сторонам социальной политики советской власти в 1920-е гг., в частности проблеме борьбы с безработицей среди женщин и молодежи, ситуации на рынке труда и др.

Структура данной работы, в соответствии с логикой исследования состоит из введения, трех частей, включающих 17 глав и заключения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

**ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА
БЕЗРАБОТНЫХ В ТАТАРСТАНЕ
В ПЕРИОД НЭПА**

Глава 1.

Гендерные аспекты женской занятости и безработицы в Татарстане

В отечественной литературе традиционно при изучении проблем женской занятости, главное внимание уделялось таким ее аспектам, как плохие условия труда, профессиональная и отраслевая сегрегация женщин, более низкая, по сравнению с мужчинами, оплата труда, ограниченные возможности квалификационного и должностного роста и др.¹

Не менее актуальными, но малоизученными были и остаются для исторической науки проблемы безработицы². Одним из первых рассмотрел данную проблему П.М. Чирков. В своей монографии «Решение женского вопроса в СССР (1917-1937)» он изучал особенности государственной политики в отношении женщин в СССР и впервые в советской историографии осветил основные способы борьбы с женской безработицей³.

Значительно позднее Т.С. Окорочкова, изучив мероприятия советского государства по вовлечению женщин в сферу труда в годы нэпа, охарактеризовала их как противоречивые: с одной стороны власть боролась с женской безработицей, с другой – активно способствовала применению женского труда в тяжелой промышленности⁴.

Американский историк В.З. Голдман в своей книге значительное место посвятила изучению проблемы занятости и безработицы среди советских женщин в период 1917-1937 гг.⁵ По ее мнению: «Организованная ВКП(б) кампании по привлечению женщин на предприятия была направлена также на то, чтобы необходимость работать переросла в стремление к женской эмансипации. Партия призывала женщин покинуть кухню, расширить свой

¹ Хоткина З.А. Гендерные аспекты безработицы и системы социальной защиты населения // Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996. С. 74-83.

² См.: Аникст А. Безработица и женский труд в России // Коммунистка. 1922. № 2; Каплун С. Женский труд и охрана его в Советской России. М., 1921; Его же. Современные проблемы женского труда и быта. М., 1925; Кожаный П. Работница и быт. М., 1926; Рашин А. Женский труд в СССР. М., 1928.

³ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937). М.: Мысль, 1978. 255 с.

⁴ Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социс. 1999. №9.

⁵ Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010.

кругозор, получать образование и повышать свою квалификацию, участвовать в строительстве нового общества»¹.

По современным представлениям, острота проблемы женской безработицы заключается еще и в том, что одни и те же меры экономической политики оказывают принципиально различное воздействие на положение мужчин и женщин в сфере занятости. В результате при равных формальных условиях, мужчины и женщины имеют неравные шансы как в отношении потери рабочего места, так и возможностей переквалификации и трудоустройства. Исторический опыт показывает, что неэффективность политики и практики решения проблем женской безработицы, проводимой государством, вынуждает женщин соглашаться на любую, даже самую неквалифицированную работу, лишь бы иметь хоть какие-то средства существования. Многие находят работу в неформальном или теневом секторе экономики.

Существенным является то, что люди находящие работу в неформальном секторе экономики на условиях найма, оказываются «за бортом» социального законодательства. В этой сфере грубо нарушаются социально-трудовые права работников (наем без трудового договора и увольнение без выходного пособия, удлиненная продолжительность рабочего дня и низкая оплата труда, тяжелый труд и отсутствие социального страхования). Существует целый ряд факторов, обуславливающих преимущественное использование женского наемного труда в неформальной экономике. Прежде всего, это дешевизна женской рабочей силы по сравнению с мужской. Вовлеченные в неформальную занятость на условиях найма – это в основном люди с низким достатком. Таким образом, неформальная занятость является нишей для выживания самых бедных, в которой аккумулируются малограмотные и неквалифицированные работники, соглашающиеся на низкие и нерегулярные заработки.

Наиболее типичными и массовыми формами неформальной занятости для женщин в начале XX века являлись: домашние услуги, проституция, уличная и рыночная торговля и др. В большинстве случаев эти виды работ были достаточно жестко сегрегированы по полу, а мужчины и женщины выполняли не только разные виды работ (горизонтальная сегрегация), но и разные социальные функции (вертикальная сегрегация). Примером горизонтальной сегрегации может служить разделение мужчин и женщин по отраслям и профессиям. Всем известно, что в государственном управлении

¹ **Голдман В.З.** Указ. соч. С. 349.

работали и работают преимущественно мужчины, а прислугой в основном – женщины. Наиболее очевидным примером вертикальной сегрегации, связанной с различиями социальных статусов, является деление на работодателей и наемных работников. Как в официальном, так и в неформальном секторе экономики среди работодателей преобладали и преобладают мужчины.

Чем дольше женщины пребывают в сфере неформальной экономики, тем сложнее им выйти за ее рамки. Наиболее негативные социальные последствия занятости в неформальной экономике проявляются в том, что женщины утрачивают квалификацию, профессионально и морально деградируют, люмпенизируются.

Рост женской рабочей силы в промышленности Казанской губернии начался еще в конце 80-х гг. XIX в., в связи с ускоренным развитием льготкацкого производства, в первую очередь, в Казани. Привлечение женщин на производство также было связано и со стремлением предпринимателей снизить затраты на заработную плату, так как труд женщин стоил дешевле, чем мужской.

В годы первой мировой войны, когда тысячи мужчин были призваны в армию, женщины и подростки очень активно вовлекались в производство. Если в 1914 г. в составе промышленных рабочих Казанской губернии было 27,7% женщин, то уже в 1916 г. – 41,4%¹. Мужской труд в Казанской губернии подвергся самому большому сокращению в Поволжье, достигнув 49,4% от всех рабочих. К 1917 г. численность женщин в производстве Казанской губернии возросла на 176,3% по сравнению с довоенным уровнем². Число взрослых женщин-работниц увеличилось более чем в три раза из-за нищеты и голода, усугубленных мировой войной, уходом мужчин-кормильцев в армию. У женщин был выбор: или голодная смерть или работа на предприятии. В производство шли не только городские, но и сельские женщины. Ломая вековые стереотипы, традиции и обычаи они шли на любую, даже самую низкооплачиваемую работу для своего физического выживания. В эти годы резко выросла и доля девочек и подростков-девушек в промышленном производстве. Предприниматели, вполне оправданно,

¹ Рабочий класс Татарии (1861-1980 гг.) / З.И. Гильманов, А.М. Залялов, К.А. Назипова и др. Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. С. 62; В.Ф. Усольцев в своей работе дает несколько другие данные в 1914 г. – 22%, в 1916 г. – 41,8. См.: Труд в бывшей Казанской губернии и за 5 лет существования Татреспублики (1921-1925 год) / сост. В.Ф. Усольцев. Казань, 1925. С. 9.

² Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы Первой мировой войны и февральской революции (1914-1917 гг.). Казань, 1989. С. 89.

считали женщин более удобными для эксплуатации и охотно принимали их на производство.

Женский труд до войны и в военное время особенно широко применялся в текстильном, льняном, суконном, бумажном и полиграфическом производстве. Значительно увеличилась их доля в пищевой и химической промышленности, в которой широко применялся неквалифицированный труд¹. Женщины стали проникать и в такие отрасли промышленности, где ранее их труд не использовался вообще: металлообрабатывающее, машиностроительное, лесопильное производство и др. Активно использовался труд женщин и на заводах военного ведомства. Так, на Казанском пороховом заводе удельный вес женщин составлял 37,9%, а на артскладах труд вольнонаемных женщин достигал даже 87%.

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что в годы войны труд мужчин стал значительно тесниться трудом женщин. При этом на предприятиях Казанской губернии работало примерно 80% русских работниц и около 4,2% работниц-татарок². Труд женщин-татарок применялся в два с лишним раза меньше, чем труд мужчин татар. В Казанской губернии перед революцией насчитывалось рабочих татар-мужчин около 14,6%. Основным препятствием для вовлечения женщин-татарок в производство являлся религиозный фактор и он действовал гораздо серьезнее и значительнее, чем, например, у русских.

Труд женщин-татарок в основном был неквалифицированным, оплачивался гораздо ниже средней заработной платы и применялся, как правило, в текстильной, кожевенной и химической промышленности. По мнению Е.Д. Румянцева «война с ее спутниками – голодом и нуждой – способствовала определенной эмансипации женщин нерусской национальности и их приток в промышленность был более интенсивным, чем в предвоенные годы»³.

Гендерное неравенство в оплате труда в период первой мировой войны еще более усилилось. Заработок рабочих Казанской губернии и так был значительно ниже среднероссийских норм, а в производствах, в которых наиболее широко применялся женский труд (обработка шерсти, хлопка, бумаги и некоторых других) и еще ниже. Женщины-работницы получали до войны и в годы войны заработную плату в мизерном размере и работали на должностях, в которых мужской труд практически не применялся. Труд

¹ Румянцев Е.Д. С. 96.

² Там же. С. 106-107.

³ Там же. С. 110.

женщин оплачивался ниже труда мужчин и в однотипных профессиях. В среднем женщины получали в 1,5-2 раза меньше, чем мужчины. К тому же в годы войны значительная часть заработка выдавалась женщинам не деньгами, а натурой (продуктами и товарами первой необходимости). Женщина-работница была более бесправна и обездолена, чем рабочий-мужчина, а уровень ее эксплуатации был несравненно выше. Все это толкало женщин на стихийные выступления в защиту своих прав и за прекращение войны. Именно они, поэтому и явились основной движущей силой совершившей февральскую революцию.

Ситуация с гендерным неравенством на рынке труда еще более усугубилась в послеоктябрьский период. Возвращение значительной части демобилизованных мужчин с фронтов первой мировой войны привело к массовым увольнениям с производства женщин. В конце 1917 – начале 1918 гг. на казанских предприятиях стали проводиться мероприятия по их разгрузке. Так, на алафузовских предприятиях в связи с закрытием 5 мастерских были уволены 3 540 человек, в том числе 1 200 женщин. Все это привело к тому, что в декабре 1917 г. в Казани появилось около 5 тыс. безработных, а женская занятость стала резко снижаться. В 1917-1918 гг. происходило значительное сокращение рабочей силы. В 1918 г. она сократилась на 11 тыс. чел. В 1919 г. вновь началась мобилизация мужчин в армию и их рабочие места занимали женщины.

В целом же, экономическая нестабильность в стране, социальное расслоение в деревне приводили к ускоренному росту безработицы, в том числе и среди женщин. После окончания гражданской войны женщины составляли 59% населения страны¹. Удельный вес женщин, занятых в промышленном производстве России накануне и в первые послереволюционные годы, колебался от 30,5-30,8% в конце 1914 г. до 41-43% – в 1918 г., достигнув 34,8% в середине 1922 г.² Квалификация труда женщин в промышленности была низкой. Женщины были заняты в качестве чернорабочих, редко – подмастерьев. Слабо были представлены женщины во многих профсоюзах. Например, в профсоюзах текстильной, кожевенной промышленности, печатников и табачников, работницы составляли от 75% до 90%, а в металлической промышленности 20-25%³, но в фабзавкомы, правления профсоюзов, совнархозы входило незначительное число работниц.

¹ Каплун С. Современные проблемы женского труда и быта. М., 1925. С. 6, 21.

² Окорочкова Т.С. Указ. соч.

³ РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 10. Д. 5. Л. 12-13.

С конца 1919 до середины 1921 гг. на производстве ощущался острый недостаток рабочей силы. В этих условиях весной 1920 г. была введена всеобщая трудовая повинность, которая применительно к «женскому вопросу» позиционировалась большевистской пропагандой как необходимое условие экономической независимости женщин «от мужей и отцов»¹. С введением нэпа положение резко изменилось: необходимость во всеобщей трудовой повинности отпала, так как образовался избыток рабочей силы. К этому привели сокращение государственной промышленности, сокращение штатов госучреждений, повышение реальной заработной платы, демобилизация армии (до 4 млн. трудоспособных мужчин), а также неурожай в ряде областей и губерний, заставивший сельское население искать средства к существованию в городе.

Женская занятость вновь резко стала снижаться. Безработица коснулась женщин гораздо сильнее, чем более квалифицированных рабочих-мужчин. В 1923 г. Л. Троцкий в статье «Промышленность и работница» писал о том, что снижение себестоимости продуктов промышленности и необходимая для этого концентрация производства неизбежно влекут за собой увеличение числа безработных, особенно среди работниц, что требует «крайне внимательного отношения» к этой проблеме².

В конце 1921 г., по данным 12 губерний, насчитывалось 37 818 безработных мужчин и 60 975 безработных женщин. В январе 1922 г. из 1 873 человек, получивших пособие по безработице в Москве, было 765 женщин. Пособие по безработице (500 тыс. руб. в месяц) выдавалось тем, кто до увольнения работал не менее трех лет³. Это означало, что многие безработные женщины не имели на него права. Весной 1922 г. совещание заведующих областными женотделами разработало систему мер по борьбе с женской безработицей. Эта программа включала активное предупреждение неправомерных увольнений работниц, участие в государственном регулировании рынка труда, тесное сотрудничество с отделами труда, участие в осуществлении социального страхования, в установлении порядка выдачи денежных и натуральных пособий безработным женщинам, в организации артелей безработных.

Как отмечает И.В. Алферова, «начиная с 1921 г. и в последующие десять лет экономика страны развивалась в условиях безработицы, которая в

¹ Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 27.

² Троцкий Л. Промышленность и работница // Работница. 1923. №6. С. 19.

³ Окорочкова Т.С. Указ. соч. С. 93-100.

большей степени затронула женщин, увольняемых из-за недостаточных трудовых навыков, из-за низкой квалификации»¹. В этих условиях власть, рассматривавшая сохранение рабочей силы как политическую задачу, начиная с 1922-1923 гг., реализовывала программы, предусматривавшие создание для безработных женщин артелей и мастерских, привлечение их к общественным работам, направление на подготовительные курсы в техникумы, ФЗУ, профтехшколы, формирование на биржах труда льготных очередей для одиноких женщин с детьми.

В циркулярном письме «О борьбе с женской безработицей» от 22 сентября 1922 г. ЦК РКП(б) предлагал всем местным партийным организациям установить теснейшую связь между биржами труда и отделами по работе среди женщин, ввести в комитеты бирж труда представителей отделов партийных комитетов по работе среди женщин. Особое внимание парторганов требовалось обратить на «организацию отделами труда, с привлечением отделов работниц, различного рода трудовых артелей, столовых, ночлежных домов и т.д.»².

В апреле 1923 г. ЦК РКП(б) провел совещание заведующих женотделами и принял ряд новых мер по борьбе с безработицей среди женщин, предусматривавших организацию мастерских, огородных артелей, ночлежных домов, общежитий для безработных женщин со столовыми, яслями, детскими садами, установление льготной очереди на биржах труда для безработных женщин-одиночек с детьми, создание при биржах труда краткосрочных курсов для обучения и переобучения женщин, устройство их в техникумы, школы ФЗУ, профшколы³.

По предложению отдела по работе среди женщин, начиная с 1923 г. жены красноармейцев, а также женщины, имевшие детей до восьми лет, при сокращении штатов обеспечивались денежным и натуральным пособием⁴. В комиссии по сокращению штатов на предприятиях и в учреждениях вводились представители отделов по работе среди женщин. Центральные комитеты многих профсоюзов установили порядок, по которому для женщин выделялось 25% мест в школах фабзавуча и на профтехнических курсах⁵.

В начале 1924 г. при НКТ СССР была создана центральная комиссия по улучшению и изучению женского труда в производстве. Основная задача

¹ Алферова И.В. Указ. соч. С. 27.

² См.: Известия ЦК РКП(б). 1922. №9. С. 25.

³ См.: Известия ЦК РКП(б). 1923. №5. С. 75-76.

⁴ См.: Известия ЦК РКП(б). 1923. №3. С. 94.

⁵ См.: Известия ЦК РКП(б). 1924. № 4. С. 131.

этой комиссии заключалась в изучении причин безработицы среди женщин и определении мер борьбы с ней. Подобные комиссии в течение 1924 г. стали создаваться также при большинстве губернских отделов труда.

Однако действительного равноправия женщин в сфере трудовых отношений большевикам достичь не удалось, главным образом, из-за пассивности НКТ и пренебрежительного отношения к работницам со стороны профсоюзов¹. Работающие женщины к началу 1920-х гг. по всем отраслям экономики СССР составляли немногим более ¼ всего состава занятой рабочей силы (в 1913 г. – 31,5% всех работающих).

На протяжении 1922-1927 гг. безработных женщин было почти в два раза больше, чем мужчин. Так, к 1921 г. в производстве Татареспублики работали 43,3% женщин; к 1922 г. в цензовой промышленности их число составило 20%, а к 1923 г. – 21,5%. На протяжении последующих лет число женщин в производстве сокращалось из-за закрытия предприятий и даже целых отраслей производства (например, швейной). Женская рабочая сила применялась в своем большинстве на неквалифицированных работах, соответственно заработная плата работниц была по-прежнему меньше, чем у рабочих.

Более всего безработице были подвержены женщины неквалифицированного труда, составлявшие около 70% всех безработных женщин². Если в 1922 г. в города Татареспублики из деревень прибыло 15% всех безработных, в 1924 г. – 20%, то уже в 1925 г. – 117%³. Значительное число среди них составляли женщины. На начало 1922 г. на казанском рынке труда имелось 1 220 безработных женщин (46,7%). С 1923 г. женская безработица стала расти в два раза быстрее, чем мужская⁴. К 1923 г. количество безработных женщин увеличилось до 50,7% из 6 601 чел. (см. табл. 1).

¹ **Серебренников Г.** Женский труд в СССР за 15 лет // Вопросы труда. 1932. №11-12. С. 60-62.

² **Люткин А.** Безработица среди женщин в г. Казани в начале 1922 г. На 1 января и на 1 февраля. (Составлено по официальным данным ТНКТ) // Труд и хозяйство. 1922. №2-3. С. 90-93.

³ Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.) / сост. Л.Л. Колодникова [и др.]. М., 2001. Т. 1. Ч. 1. (1922-1923 гг.). С. 237.

⁴ **Усольцев В.** Безработица терзает женщин // Известия ТатЦИК. 1923. 16 июня.

**Количество безработных зарегистрированных на
Казанской бирже труда в 1922-1930 гг.**

Состояло на учете безработных			
на 1 января	муж.	жен.	всего
1922	1 368	1 220	2 588
1923	3 254	3 347	6 601
1924	8 786	6 572	15 358
1925	10 401	6 667	17 068
1926	7 640	6 667	14 307
1927	9 033	8 887	17 920
1928	9 005	7 082	16 087
1929	8 887	7 939	16 826
1930	5 194	7 317	12 511

Женщинам было труднее устроиться на работу, так как администрации отдельных учреждений и предприятий вообще отказывались их принимать, накладывая на заявления следующие резолюции: «желательно мужчине», «женщину не возьму» и т.п.¹ Это привело к огромному всплеску беспризорности и росту проституции, как в городской так и сельской местности; чтобы не умереть с голоду женщины нередко были вынуждены выходить на улицу, пополняя и без того обширные ряды проституток.

Исходя из такого положения, Президиум Татарского совета профсоюзов (ТСПС) в начале мая 1923 г. дал распоряжение бирже труда разработать специальный план по борьбе с женской безработицей путем организации домов работниц и артелей безработных женщин². XIII съезд партии (1924 г.) патетически заявил, что «сохранение женской рабочей силы в производстве имеет политическое значение»³. Однако, эти декларации не изменили общей негативной ситуации. На практике все осталось по старому: женщин увольняли и посылали на биржи труда, мужчин принимали и трудоустраивали быстрее и охотнее, чем женщин.

Во время интенсивного сокращения штатов некоторые профсоюзы производили, в первую очередь, сокращения среди женщин, тогда когда их можно было оставить на работе, мотивируя это тем, что женщина пользуется большими привилегиями (например, отпуск во время родов), в силу чего женщина, якобы, является балластом для производства. Так, казанские

¹ **Феоктистов.** Гонение на женщину // Известия ТатЦИК. 1922. 1 февраля.

² **Федорович.** Нужен нажим в работе // Известия ТатЦИК. 1923. 6 мая.

³ **Серебренников Г.** Указ. соч. С. 61.

химики сокращали замужних работниц, объясняя это тем, что ее может прокормить муж¹.

В результате на Казанской бирже труда оказалось к 1923 г. 2 365 безработных женщин членов профсоюзов, для трудоустройства которых была создана одна пошивочная артель, которая, конечно никоим образом не могла исправить положения безработных женщин. Всего к 1925 г. в коллективах безработных работало около 200 женщин. Больше всего безработных женщин было среди совработников – 356 и швейников – 384. На 1 августа 1924 г. среди казанских безработных выделялись две основные группы: подростки-мужчины – 732 чел. и 523 – женщины. На 1 ноября 1924 г. соотношение несколько изменилось. Было зарегистрировано 600 мужчин и 880 женщин подростков². Квалификация женщин значительно уступала квалификации мужчин, и потому количество безработных женщин составило на 1 января 1925 г. 40% общего числа безработных.

В первые годы советской власти женщины-работницы по-прежнему не могли выдерживать конкуренции с мужчинами, так как у абсолютного большинства женщин уровень грамотности и квалификации был значительно ниже, чем у мужчин. Поэтому при значительном излишке рабочей силы происходил процесс вытеснения женского труда, росла безработица среди женщин. Даже в 1925 г., указывает К.И. Суворов, наблюдались случаи, когда место временно ушедшей с завода женщины тут же занималось мужчиной, и вернуть работнице ее рабочее место было чрезвычайно трудно³.

К.И. Суворов приводит факт того, что при увеличении численности рабочих, занятых в промышленности, происходил абсолютный рост числа женщин-работниц. На 1 января 1923 г. их было 413 тыс., на 1 января 1924 г. – более 423 тыс., а на 1 января 1925 г. – более 510 тыс.⁴ Вместе с тем процент женщин, работавших в промышленности, на транспорте и в сфере обслуживания, заметно падал. В цензовой промышленности женщины-работницы в январе 1923 г. составляли 28,4%, а к 1 января 1924 г. – уже 27,4%⁵. Народный комиссариат труда в 1925 г. официально сообщал:

¹ Отчет Совета Профессиональных Союзов Татарской Республики за время с 15 сентября 1922 г. по 1 ноября 1923 г. Казань, 1921. С. 99.

² Отчет Совета Профессиональных Союзов Татарской Республики за время с декабря 1923 г. по ноябрь 1924. Казань, 1924. С. 90-91.

³ **Суворов К.И.** Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917-1930). М., 1968. С. 120.

⁴ См.: Обзор деятельности НКТ СССР за 1927/28 год. М., 1928. С. 156.

⁵ Обзор деятельности НКТ СССР за 1927/28 год. С. 156.

«Вытеснение женского труда почти из всех отраслей производства является фактом твердо установленным и не вызывающим никаких сомнений»¹.

Процент безработных женщин значительно превышал их долю участия в производстве. Особенно высоким он был в первые годы нэпа. В феврале 1923 г. женщины составляли 56% общего числа безработных². В крупных городах этот процент достигал 60, а местами даже 75%. В апреле 1924 г., когда борьба с безработицей принесла первые достаточно скромные результаты, женщины составляли 45,9% численности безработных⁴.

В целом, благодаря предпринятым усилиям в стране был поднят удельный вес женщин в трудовых и производственных коллективах безработных с 22% в 1923 г. до 25,8% на 1 октября 1925 г. Увеличилась и доля женщин, участвовавших в общественных работах, с 8,8% в 1923 г. до 27,7% в 1924 г. Девушки, обучавшиеся в школах фабрично-заводского ученичества, в 1923 г. составляли 16%, в 1924/25 г. – 22%, а в 1925/26 г. – 37% всех учащихся. В 1926/27 г. биржи труда направили на работу 784,7 тыс., в 1927/28 г. – 1034,4 тыс. безработных женщин⁵.

Несмотря на то, что советское правительство провозгласило экономическое освобождение женщины, по подсчетам С. Струмилина среднестатистическая работница фабрики работала в начале 1920-х гг. до 14 часов в сутки, из которых оплачивалось лишь 8 часов. Женщины систематически недосыпали по 1 часу в день⁶. Потогонная система толкала женщин в храмы, а позднее в кафе, рестораны и пивные. По выкладкам Ю. Ларина, по количеству употребляемого алкоголя в 1927 г. у женщин на водку приходилось 92,9%, пиво – 2,2%, вино – 4,9%; у мужчин – 82%, 12,5% и 5,5% соответственно⁷.

Руководством Татнаркомтруда (ТНКТ) не раз отмечалась необходимость «в корне пресечь вытеснение женщины из производства», а профсоюзам особенно осторожно подходить к сокращению женщин и принять самые решительные меры к повышению % женщин в производстве и

¹ См.: Известия НКТ СССР. 1926. №6. С. 27.

² Правда. 1923. 26 февраля.

³ См.: К XIV съезду РКП(б). М.; Л., 1925. С. 189.

⁴ Суворов К.И. Указ. соч. С. 121.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922/23 гг.: Статистико-экономические очерки. М.; Л., 1924. С. 1, 12.

⁷ Ларин Ю. Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М., 1929. С. 4.

всевозможными путями повышать их квалификацию¹. С целью сохранения работниц в производстве, а также изучения условий быта и их труда при ТНКТ была создана специальная комиссия.

Численный состав как работающих, так и безработных женщин в первой половине 1924 г. в Татарстане выражался в следующих цифрах, см. табл. 2.

Таблица 2

**Количество работающих и безработных женщин
в январе – октябре 1924 г.²**

Дата	Работающие женщины		Безработные женщины	
	взрослые	подростки	взрослые	подростки
На 1 января 1924 г.	16 418	402	3 438	43
На 1 апреля 1924 г.	16 243	244	3 880	35
На 1 июля 1924 г.	13 612	237	3 530	57
На 1 октября 1924 г.	13 429	186	4 183	72

Таблица 2 показывает, что безработица среди женщин неуклонно росла, если на 1 января 1924 г. безработных женщин числилось 3 481 чел., то на 1 октября – 4 255 чел. В этих условиях профсоюзы и Комитет биржи труда стремились создавать женские артели (швейники, Всемеднкосантруд и совработникн), а также принимали меры к тому, чтобы большее количество работниц включить в артели и коллективы, организуемые Комитетом биржи труда³.

На 1 октября 1924 г. в промышленности Татарии трудилось 13 963 женщины (21,6%), а на аналогичную дату 1925 г. – 14 597 (19,6%)⁴. Квалификация женщин была значительно ниже квалификации мужчин и потому количество безработных женщин составляло на 1 января 1925 г. 40% общего числа безработных. На начало 1925 г. среди 15 358 безработных имелось 6 552 женщины (39,1%). К 1 апреля 1925 г. в цензовой промышленности было занято 2 521 женщин (17,1%) из 14 787 рабочих⁵. Из имевшихся на июль 1925 г. 6 738 безработных женщин – 1 479 были сокращены со швейного производства, 1 978 женщин не имели определенной

¹ Информационно-отчетное письмо Татарского Совета Профессиональных Союзов о работе, состоянии и задачах профорганизаций ТР за время с 1 января по 1 октября 1925 г. Казань, 1925. С. 31.

² Отчет Совета Профессиональных Союзов Татреспублики за время с декабря 1923 г. по ноябрь 1924 г. Казань, 1924. С. 54.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Усольцев В.Ф. Бюджет рабочих г. Казани // Труд и хозяйство. 1925. №10. С. 74.

профессии, 1 204 – являлись советскими служащими¹. К 1 октября 1925 г. число безработных женщин достигло 46,8% (6 753 чел.).

Особенно увеличилась женская безработица после ликвидации Швейтреста в конце 1924 – начале 1925 гг., когда одновременно было уволено 724 работницы². Союз швейников на 1 октября 1925 г. имел на бирже 1 458 зарегистрированных безработных, в т.ч. 1 192 женщины. Всего на бирже состояло 9 377 членов профсоюзов, в т.ч. 4 151 (44,3%) женщин. А среди не членов профсоюзов в числе 5 038 безработных на казанском рынке труда имелось еще 51,4% безработных женщин³.

Несмотря на то, что в резолюции пленума Тапрофсовета по докладу Наркомтруда ТАССР о борьбе с безработицей в республике от 13 февраля 1926 г. отмечалось, что «значительная безработица в Татреспублике, обусловленная большим сокращением промышленности за последние годы, в связи с голодом 1921 г. и последовавшей массовой демобилизацией армии, достигнув критического момента к началу 1925 г., в течение прошлого года обнаруживала тенденцию к понижению (17 069 безработных на 1 января 1925 г. и 14 037 безработных на 1 января 1926 г.)», благодаря укреплению и расширению трестированной промышленности и широко развернутым общественным работам, в ней указывалось на «большой процент безработных женщин, слабый спрос со стороны хозорганов на женский труд» и низкую их квалификацию. В связи с этим предлагалось «особое внимание обращать на борьбу с безработицей среди женщин», стремиться к их наибольшему привлечению на работу в коллективы, размещению их в производстве, поднятию квалификации, борьбе с их необоснованным увольнением⁴.

Перепись 1926 г. зафиксировала наличие в республике 10 613 безработных, в числе которых было 4 512 женщин. В Татарстане имелась 1 671 работница-татарка, 643 из которых трудились в фабрично-заводской промышленности⁵.

¹ **Голосовкер С.Я.** О проституции. Казань, 1925. С. 14.

² Информационно-отчетное письмо Татарского Совета Профессиональных Союзов... С. 4.

³ Труд в бывшей Казанской губернии и за 5 лет существования Татреспублики. С. 20, 23; Женский труд в Татреспублике // Красная Татария. 1925. 8 марта.

⁴ НА РТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1150. Л. 19-20. По вопросу борьбы с безработицей см. также: Постановление бюро Татарского обкома ВКП (б) от 6 июля 1926 г. (ЦГА ИПД РТ. Ф. Р-15, Оп. 7. Д. 21. Л. 98); Протокол заседания президиума ЦИК ТАССР от 27 августа 1926 г. (НА РТ. Ф. Р-762. Оп. 1. Д. 1322. Л. 48-50); Протокол совещания при тарифно-экономическом отделе ТСПС от 30 июля 1926 г. (НА РТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 1203).

⁵ Рабочий класс Татарии (1861-1980 гг.). С. 176.

Среди общей массы безработных на 1 октября 1926 г. имелось 2 327 безработных татар, в том числе 946 женщин¹.

Дискриминация женщин в условиях нэпа принимала разнообразные формы. Кроме того, имелись случаи, когда женщин членов профсоюзов увольняли, а на их место брали женщин не членов профсоюзов по протекции². Так, работница Е. Чернышева жаловалась, что неправильно была уволена с фабрики им. Ленина («попала в разгрузку»)³. Работники биржи труда, используя свое служебное положение, склоняли женщин к сожительству. Не отставали от них руководители предприятий и учреждений. Так, мастер текстильного цеха завода «Красный Металлист» В.М. Климин брал на работу женщин, угощавших его вином и вступавших с ним в половую связь. Следствие вскрыло 5 подобных случаев⁴.

Вопиющим стал случай с безработной Б-овой, описанный журналистом Рудневым. Эта безработная, имевшая малыша, 5 месяцев состояла на бирже труда. На бирже она познакомилась с неким И.Г. Сайфуллиным, «наблюдавшим» за ходом работы по строительству магазина Казанского центрального рабочего кооператива (КЦРК) на Кооперативной улице, в котором он должен был стать заведующим. Как выяснилось, ему нужен был кассир. Очевидно, безработная покорила Сайфуллина своими женскими прелестями. Узнав ее домашний адрес, он через два дня прислал ей записку следующего содержания: «Простите, я напишу вам несколько слов. Вы, наверное, поняли, в чем дело? Если бы я предложил вам со мной поделиться (!), чтобы вы на это сказали? Если вы скажете да, то я беру на себя ответственность за вас и за все, что требуется. Если нет, то пишите откровенно. Может быть, у вас кто-то есть, тоже не скрывайте, говорите откровенно все. И. Сайфуллин». По сути Сайфуллин предложил безработной сожительство. Безработная наотрез отказалась от этого «грязного предложения».

В следующей записке он отвечал ей: «Не нужно играть в прятки. Я не мальчишка, знал, зачем иду сюда, и знаю прекрасно, как живут безработные женщины. Вы должны или голодать, или надеюсь, понятно, что я хочу

¹ **Измайлов [Ш.].** О состоянии безработицы и мерах борьбы с ней // Красная Татария. 1927. 14 января. В 1925-1926 гг. было послано на работу казанской биржей труда 381 работница-татарка, в 1926-1927 гг. – 792, за четыре месяца 1928 г. 293 работницы-татарки. См.: **П.Б.** Безработица среди женщин уменьшается // Красная Татария. 1928. 6 марта.

² **Ванятка.** Одну уволили, другую приняли // Красная Татария. 1926. 16 декабря.

³ **Н.С.** Как об стенку горох // Красная Татария. 1928. 23 сентября.

⁴ **Самсонов Е.** По следам климинщины // Красная Татария. 1928. 23 декабря; **Вик. Реверс.** Вон Климиных и Бирюковых из рабочей семьи // Там же. 1928. 26 декабря.

сказать. Не будем из-за пустяка завязывать ненужной ссоры. Когда все можно уладить миром». Журналист, описавший этот случай, отмечал: «Похабное, циничное отношение к женщине еще не изжито». «Если мы беспощадно осуждаем и считаем уголовным преступлением «героев» шмелевского оврага, то не меньшим преступниками являются и те, кто, используя свое служебное положение, толкают безработных женщин на путь проституции»¹.

По всей видимости подобная ситуация была типичной. Так, другой сотрудник «Красной Татарии» Н. Крейнович писал: «Видели ли вы, товарищи, в приемных и коридорах наших многочисленных советских и хозяйственных учреждений людей с убитым видом, иногда даже с выражением безысходного отчаяния на лице? Вы не могли не заметить этих фигур, робко прижимающихся к стене какого-либо коридора, или с безразличным тупым видом сидящих в приемных. Это не обычные посетители. Вглядитесь в них повнимательнее. Вы не увидите на их лицах деловой озабоченности, вы не увидите торопливости в движениях, как будто в том, что они пришли в учреждения, виновата не их воля, а какая-то случайность, как будто бы они пришли сюда без определенной цели. Эти отдельные фигуры, которые мы иногда можем видеть в наших учреждениях, принадлежат безработным. Как много значит для этих людей внимательное человеческое отношение. Одно, только одно теплое слово поддержки может ободрить такого человека, вывести его из положения безысходного отчаяния, куда ввергает его отказ от предоставления работы из-за наличия свободных вакансий. Но этих то слов и недостает безработным.

Вглядитесь в фигуру молодой девушки, очень легко одетой, в летних туфлях, торопливо спешащей к входу в Татстрой. Это ее последняя надежда. Она уже столько времени без работы, успела обойти все учреждения Казани и везде получила один и тот же “сухой” ответ – “нет работы”. Хоть кто-нибудь посоветовал бы ей что предпринять, но этого никто не сделал. И вот она спешит в Татстрой – в последнее не обойденное ею еще учреждение. Там она подходит к товарищу Шайтану. – Нет ли у вас работы? Я обегала все учреждения... и видит она как безразличные, такие же как она видела всюду, глаза его смягчились и в них затеплился какой-то огонек. – Вам работу?.. И долгая пауза, которая показалась девушке вечностью. – Работу, пожалуй,

¹ Руднев Н. Записка // Красная Татария. 1928. 28 августа. «Герои Шмелева оврага» – рабочие фабрики Галактионова Васин и Сергеев, изнасиловавшие и ограбившие Ф-ву, больную туберкулезом третьей стадии. Насильники получили по 5 лет лишения свободы. – Прим. А.М. См.: «Герои» Шмелева оврага // Красная Татария. 1928. 23 августа.

можно найти ... но вы как, одна живете или с семьей? Девушка обрадовалась. Как же, у нее есть семья. – Однако, это возымело обратное действие. Ш. сурово заявил, что тогда у него, места нет, хотя ... Что хотя?.. так бы и вырвала она недосказанные им слова... ведь после Татстроя ей уже некуда идти. А Ш. в это время, усмехаясь, закончил: – Хотя, если вы переселитесь одна в комнату, то место, пожалуй, найдется.

Девушка поняла. Она поняла, что она товар, что такая встреча у него была результатом не желания помочь ей, а ее молодости, свежести, красоты. Но что делать молодой девушке, не видящей перед собой никаких перспектив в дальнейшем, которую никто не поддержал в ее долгих поисках работы?.. Ей пришлось согласиться на предложение Ш.

Тут положение резко изменилось. Ш. не знает, куда усадить свою гостью, что ей предложить. В первую очередь, он, как сострадательный человек, обратил внимание на ее худую, по осеннему сезону обувь, и тут же дал распоряжение о выдаче ей аванса в 20 руб. на “амортизацию” и обещал также дать ей отпуск для приискания комнаты (о комнате Ш. ни на минуту не забывает). Так попала девушка на работу в Татстрой». «К сожалению, пишет корреспондент, – рассказанный мною случай, не вымышленный, а является чистейшей былью». Так, тот же Ш. в сентябре 1925 г. поселил девушку М. в гостиницу «Казанское подворье», устроил ее конторщицей, а затем кассиршей в стекольный магазин. Окружающие знали, но молчали о том, что «Ш. целиком использует свое служебное положение в своих личных грязных целях»¹.

А вот еще самые разнообразные факты дискриминации женщин-работниц на предприятиях и в учреждениях Татарстана. Работница шерсточесальной мастерской Кустпромсоюза Емелина ушла в отпуск, а когда вернулась, была поставлена перед фактом увольнения за «частые прогулы и грубое обращение с администрацией». Работница обратилась в НКТ, отменившее решение администрации. Однако, прошло 6 месяцев и рассмотрение дела в восьми инстанциях, прежде чем Главсуд республики восстановил Емелину на работе и обязал выплатить ей Кустпромсоюзу 150 руб. за 6 мес. вынужденной безработицы². Когда в Елабуге одна женщина решила устроиться в милицию начальник кантадммоботдела Каменщиков наложил на ее заявлении резолюцию: «Принять, при условии, если не забеременеет»³.

¹ Кр-ч Н. Шайтан-благодетель // Красная Татария. 1926. 8 декабря.

² Пензин. Масис. 6 месяцев безработицы // Красная Татария. 1928. 17 февраля.

³ Маленький фельетон // Красная Татария. 1928. 24 апреля.

Хотя расследование, проведенное на основании этого фельетона, выявило, что резолюция была якобы «шутливой», Каменщикову был объявлен выговор «за грубое обращение с подчиненными» со стороны НКВД ТАССР Мухамеджанова¹.

Вместе с тем, в середине 1920-х гг. стал вновь заметен, хотя и медленный, но рост женской рабочей силы в промышленности, что приводило к уменьшению числа безработных женщин. Женская рабочая сила, занятая в цензовой промышленности Татарстана на 1 января 1927 г. составила 20,7% общей рабочей силы и к 1 января 1928 г. увеличилась еще на 5%. Развитие пошивочного производства за время с 17 ноября 1927 г. дало возможность трудоустройства 807 безработных женщин (в т.ч. 20% татарок). Избыточный женский труд на Казанской бирже труда в общем составе безработных на 1 октября 1926 г. составлял 52%, на аналогичную дату 1927 г. – 48,5%, на 1 февраля 1928 г. 41,5%.

Неуклонно увеличивалось количество посылок на работу. Если за 1925/26 г. биржа труда направила на работу 3 861 женщину (в т.ч. 381 татарок), в 1926/27 г. было послано на работу 6 822 женщины (в т.ч. 792 татарки), а за первые два мес. 1928 г. – 2 228 женщины (в т.ч. 293 татарки). В 1927 г. на общественные работы посылалось до 60% женщин. В коллективах безработных на 1 октября 1926 г. было занято 315 женщин (23,4), на ту же дату 1927 г. – 445 (25,4%) и на 1 февраля 1928 г. – 479 (28,4%). Были созданы курсы повышения квалификации швей на 30 чел. В 1928 г. НКТ было принято решение в течение года развернуть коллективы сандалящиц, химиков, фасовщиц, по поделке детских игрушек и щеток, по переквалификации швей и вовлечь во все коллективы 290 женщин. Коллектив безработных химиков впоследствии расширился за счет открытия прачечной, была развернута работа коллектива сандалящиц на 100 чел., фасовочниц на 10 чел., игрушечниц и щеточниц на 100 чел., увеличился коллектив совторгслужащих на 20 чел.²

В конце 1928 г. мастерская на 30 сандалящиц была закрыта за отсутствием сырья. В коллективах безработных химиков, фасовщиц и др. работало 99 женщин. Была открыта мастерская деревообделочников на 67 чел. Было проведено два выпуска по переквалификации швей на 80 чел. В 1928 г. планировалось увеличить посылку на работу женщин, увеличить процент татарок в числе посланных, а при посылке на общественные работы посылать

¹ См.: Красная Татария. 1928. 27 мая.

² П.Б. Безработица среди женщин уменьшается // Красная Татария. 1928. 6 марта.

не менее 50% женщин. За 1928 г. было послано на работу 11 120 женщин, против 7 060 в 1927 г. и 4 110 в 1926 г. В 1928 г. на работу было послано 2 117 женщин-татарок, а в 1927 г. – 465. При посылках на общественные работы 40% от общего числа посланных составили женщины¹. Происходило увеличение женского труда и в коллективах безработных. Например, в коллективе безработных портных работало 343 чел. в т.ч. 198 русских женщин и 69 татарок².

Но создание артелей безработных женщин позволило решить проблему безработицы лишь частично. Условия труда на большинстве частных и государственных предприятиях не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам, однако, угроза потери работы приводила к сокрытию подобных фактов самими работницами. Повышение уровня женской квалификации в условиях практической нерешенности бытовых проблем, делали невозможным профессиональный рост, а аполитичный настрой большинства женщин не способствовал их номенклатурной карьере³.

Ситуация с трудоустройством женщин вызывала пристальное внимание советских и партийных органов на всем протяжении 1920-1930-х гг. В Постановлении Татобкома ВКП(б) от 3 сентября 1928 г. «О женской безработице» по-прежнему отмечалась низкая квалификация безработных женщин, а ТНКТ предлагалось принять меры по устранению искусственного понижения спроса со стороны хозорганов на рабочую женскую силу и увеличению количества женщин в коллективах безработных⁴. По-прежнему безработица носила застойный характер из-за низкой квалификации безработных. В связи с тем, что среди безработных 50% занимали женщины, перед органами соцстраха была поставлена задача уделять большее внимание переквалификации женщин и усилению их вовлечения в инвалидную кооперацию и коллективы безработных⁵.

¹ П. В Наркомтруде // Красная Татария. 1929. 24 февраля.

² Работницы пишут // Красная Татария. 1929. 8 марта.

³ Тарасюк А.Я. Социальная политика советского государства и жизнь женщины 1918-1929 гг. (На материалах Зауралья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004.

⁴ Фин Я. О вовлечении татар в производство // Труд и хозяйство. 1929. №5. С. 7-8.

⁵ Работницы пишут // Красная Татария. 1929. 8 марта.

Сведения Казанской биржи труда о вовлечении в промышленное производство женщин за 1927-1929 годы¹

Группа профессий	Послано за 2-е полугодие 1927/28 г.			Послано за 2-е полугодие 1928/29 г.		
	всего	в том числе женщин		всего	в том числе женщин	
		абс.	в % к общему количеству посланных		абс.	в % к общему количеству посланных
Индустриальн.	8 400	3 079	36,6	8 974	1 568	17,5
Неиндустриальн.	2 754	528	19,2	5 408	1 344	24,9
Строители	12 073	174	1,4	10 620	364	3,5
Транспорт	893	139	16,6	1 240	139	11,2
Связь	35	6	17,7	118	54	45,8
Умствен. труд	4 169	1 525	36,6	6 667	2 976	44,6
Итого	28 324	5 451	19,2	33 027	6 445	19,5

В 1929 г. работники местного наркомтруда отмечали, что «тяга женщин к самостоятельному труду, вне зависимости от устоев семьи, продолжает служить поводом увеличения женского безработного состава, пополняя ряды профессий, которые имеют незначительный спрос» (учреждения общепита, швейной промышленности, медицинские учреждения)². В 1929 г. безработица приобрела устойчивый характер. На 1 января 1929 г. на Казанской бирже труда было зарегистрировано 16 826 безработных, в том числе 7 837 женщин и 2 527 татар.

Работа биржи труда в области вовлечения в производство женщин за 1927-1930-е гг. характеризуется следующими данными (см. табл. 3, 4).

Как видно из таблиц посылка женщин в общей массе посланных непрерывно возрастала. За 2-е полугодие 1927/28 г. женщины в общей массе посланных составляли 19,2%, а в 1-м квартале 1929/30 г. – 23,3%. При получении заявок Биржа труда договаривалась с нанимателем о возможностях посылки большого количества женщин.

¹ См. также: Протокол общегородской конференции женщин гор. Казани (в ней участвовало 570 чел.). НА РТ. Ф. Р-100. Оп. 1, Д. 1922. Л. 35, 38-39.

² Краткие итоги работы Народного Комиссариата Труда Татарской Социалистической Советской Республики. Между VII и VIII съездами профсоюзов Т.С.С.Р. (1926-1929 годы). Казань, 1929. С. 4.

Сведения Казанской биржи труда о вовлечении в промышленное производство женщин за 1 квартал 1929/30 г.

Группа профессий	Послано за 1 квартал 1929/30 г.		
	всего	в том числе	
		абс.	в % к общему количеству посланных
Индустриальн. квалиф.	2 220	709	31,9
Индустриальн. неквалиф.	1 916	250	13,0
Итого:	4 136	959	23,2
Неиндустриальн.	2 387	659	27,7
Строители	3 361	108	3,2
Транспорт	745	81	10,9
Связь	80	27	33,8
Умствен. труд	3 442	1 469	42,7
Итого:	14 151	3 303	23,3

При комплектовании курсов по переобучению безработных также принимались все меры к возможно большему вовлечению на женщин. Так, на курсы строителей принято 417 чел., среди принятых женщины составляли 30%. В 1928/29 г. на строительных курсах татар обучалось 23%, а женщин не было совсем. На ряд курсов, например, меховщиков женщины не набирались по гигиеническим соображениям. На других курсах, например, курсах работников прилавка на 320 чел. женщины составляли не менее 40%.

2 февраля 1929 г. Наркомтруд СССР направил всем наркоматам труда союзных республик новое циркулярное письмо, в котором предлагалось максимально увеличить обучение и переобучение женщин-безработных, усилить борьбу с необоснованным отказом предприятий от приема женщин на работу, расширить трудовую помощь женщинам, состоявшим на учете бирж труда¹.

В июле 1929 г. ВЦСПС и НКТ СССР издали специальное постановление о вовлечении женщин в производство, в котором хозорганам запрещалось увольнять женщин и уклоняться от их приема на работу, а биржам труда отдавать преимущественное предпочтение при посылке на работу

¹ Известия Наркомтруда СССР. 1929. №4. С. 49-51.

женщинам¹. Для них предписывалось создавать вечерние курсы профессиональной подготовки, в первую очередь, для строительной отрасли. Но практика показала неудовлетворительные результаты².

В сентябре 1929 г. внимание посреднических органов, в рамках борьбы с проституцией работниц, было направлено на преимущественное предоставление работы матерям-одиночкам³.

К октябрю 1929 г. количество безработных женщин в СССР сократилось всего на 28 тыс. (а в целом количество безработных уменьшилось на полмиллиона). К концу первого года пятилетки доля женщин в общем составе безработных составляла 59%. Женская безработица по-прежнему имела наиболее застойный характер, так как работа по-прежнему в первую очередь предоставлялась мужчинам⁴.

Необходимость усиления борьбы с женской безработицей специально подчеркивалась в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. В конце декабря 1929 г. другое постановление ЦК ВКП(б) потребовало вновь увеличить долю женщин во всех промышленных отраслях, особенно в строительстве⁵.

В протоколе СНК ТАССР о состоянии рынка труда и снабжении промышленности рабочей силой от 30 мая 1930 г. вновь, несмотря на определенные успехи («значительное сокращение размера безработицы»⁶, рост практических мероприятий в части воспроизводства рабочей силы и переквалификации из числа безработных), отмечалась «стабильность женской и подростковой безработицы». Исходя из этого СНК Татарской Республики постановил: «предложить Наркомтруда принять все меры по ослаблению женской и подростковой безработицы, внедряя женский и подростковый труд максимально во все возможные отрасли хозяйства и производства»⁷.

В июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) сам И.В. Сталин обратил внимание на женский характер безработицы в СССР⁸. Однако, конкретных мер для

¹ Об усилении вовлечения женского труда в производство. Циркуляр ВЦСПС, НКТ СССР №168 // Труд. 1929. 4 августа.

² **Голдман В.З.** Указ. соч. С. 36.

³ Борьба с проституцией – постановление СНК РСФСР // Труд. 1929. 4 сентября.

⁴ **Рогачевская Л.С.** Ликвидация безработицы в СССР. 1917-1930 гг. М., 1973. С. 161.

⁵ О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению. Постановление ЦК ВКП(б) // Труд. 1929. 10 декабря.

⁶ О снижении безработицы в республике см. подробные данные в таблице (НА РТ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 2188. Л. 66).

⁷ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 2. Л. 185-186.

⁸ **Сталин И.** Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово // Вопросы ленинизма. М.; Л., 1931. С. 725.

изжития этого явления им также предложено не было. Таким образом, к началу 1930-х гг. безработица в СССР в целом, и в Татарстане в частности, приобрела преимущественно «женское лицо». В этом сыграли свою роль два основных фактора: низкая квалификация работниц, гендерные стереотипы и дискриминация женщин на рынке труда.

К середине 1930 г. произошло «значительное сокращение размера безработицы» в результате хозяйственного роста республики, в первую очередь промышленности и строительной отрасли. Однако, несмотря на это, существенного изменения ситуации не произошло, и в 1930 г. в составе зарегистрированных безработных по-прежнему имелось около 60% женщин. Одновременно с этим значительно выросла и текучесть квалифицированных кадров, в том числе и среди женщин на предприятиях¹.

В течение 1930 г. Наркомтруд СССР провел целый ряд мероприятий по борьбе с женской безработицей: были даны указания биржам труда посылать на работу женщин в соответствии с их удельным весом среди всех безработных, увеличить прием девушек в школы профтехннческого обучения, создать специальные трудовые женские коллективы (ателье по пошиву одежды, изготовлению шляп и т.д.). Особенно большое внимание проблемам женского труда и ликвидации женской безработицы было уделено при составлении контрольных цифр по труду на 1930/31 г. 6 июня 1930 г. коллегия Наркомтруда СССР разработала следующие директивы: довести рост женского труда в промышленности до 23% против 10% в 1929/30 г. (в результате выполнения этого пункта удельный вес работниц в промышленности возрастал до 29,6% – в 1928/29 г. он составлял 27%, в 1929/30 г. – 28,1%); увеличить удельный вес девушек в школах массового профобразования (ФЗУ, краткосрочных курсах и пр.) промышленности до 40%, строительства – до 35%, торговли – до 50%, по общеобразовательным курсам бирж труда – до 50%.

Вместе с тем, нужно отметить, что в целом, в 1920-1930-е гг. произошли значительные изменения в сфере общественно-производственной деятельности женщин. Они были вовлечены не только в ранее традиционные отрасли промышленности, но и в такие, в которых до революции их труд почти не использовался, в силу их недостаточной профессиональной подготовки.

¹ Из протокола СНК ТАССР о состоянии рынка труда и снабжении промышленности рабочей силой. 30 мая 1930 г. Доклад Наркомата труда о состоянии рынка труда и снабжении промышленности рабочей силой // НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 2. Л. 185-186.

Перепись 1926 г. показала, что 1 600 женщин Татарстана стали работать в металлической, химической и других отраслях промышленности. Но в некоторые профессии они проникали еще достаточно слабо. Так, из 1 037 металлистов женщин было 7, среди токарей не было ни одной женщины. Из 43 инженеров было 2 женщины, из 150 техников – 2, из 121 мастера – 1 женщина¹. Однако по-прежнему они являлись ведущей силой в текстильной, пищевой и швейной промышленности. Выросло и число женщин в партийной организации Татарии с 1,5% в 1922 г. до 9,9 в 1925 г. В целом же количество женского персонала во всей промышленности с 1 января 1927 г. по январь 1933 г. возросло более чем в 6 раз.

Определенное значение, но первоначально очень незначительное, для дела уменьшения женской безработицы имел первый пятилетний план (1 октября 1928 – 1 октября 1933 гг.)². Этот план после его утверждения V съездом Советов СССР в мае 1929 г., дал основания для проведения государством целого ряда мер экономического, политического, организационного и идеологического характера. Миллионы людей были вовлечены в производство, им часто приходилось работать в три смены. В 1930 г. было развернуто строительство около 1 500 объектов. Был воздвигнут ряд гигантских транспортных и промышленных сооружений: Турксиб, ДнепроГЭС, металлургические заводы в Магнитогорске, Липецке и Челябинске, Новокузнецке, Норильске а также Уралмаш, тракторные заводы в Волгограде, Челябинске, Харькове, Уралвагонзавод, ГАЗ, ЗИС. Первая пятилетка была связана со стремительной урбанизацией. Городская рабочая сила увеличилась на 12,5 млн. чел., из которых 8,5 млн. пришло из деревни.

Это также в какой-то мере привело к определенному гендерному выравниванию на рынке труда. «Участие женщин в общественно-производительном труде имело решающее значение для достижения экономического и политического равноправия женщин с мужчинами. Оно обеспечивало экономическую самостоятельность, способствовало культурному развитию, росту политической зрелости женщин...»³. Только за годы первой пятилетки число работниц в ценовой промышленности увеличилось в 5 раз, а число работниц-татарок в 6 раз. В 1930 г. из 961 выдвиженца 13,5% составляли женщины. Происходило выдвижение женщин на самые высокие хозяйственные посты. Так, на должность директора

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XII, отдел II. М., 1929. С. 230-231.

² **Маршева Б.** Женский труд в 1931 г. // Вопросы труда. 1931. №1. С. 32.

³ Рабочий класс Татарии (1861-1980 гг.). С. 178-179.